

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 85

**А.Г.Здравомыслов
С.Я.Матвеева**

**Межнациональные конфликты
в России и постсоветском
пространстве**

**Москва
1995**

Документ № 85

**А.Г.Здравомыслов
С.Я.Матвеева**

**Международные конфликты в России
и постсоветском пространстве**

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского Фонда Фундаментальных исследований,
грант N 93-06-10174*

Москва 1995

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 85.

Материалы серии отражают точку зрения авторов и не являются официальной позицией Института.

При использовании ссылка на материалы обязательна.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова
Д.А.Функ

По вопросам приобретения материалов
обращаться по адресу: 117334, Москва,
Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12

А.Г.Здравомыслов, проф.

С.Я.Матвеева, к.ф.н.

Российский независимый институт социальных
и национальных проблем.

**Межнациональные конфликты в России
и постсоветском пространстве**

Москва
1995

Содержание

I. Внутрироссийские межнациональные конфликты

1. Пространственная локализация конфликтов в России..... 3
2. Грозят ли межнациональные конфликты целостности России?..... 4
3. Конфликты по периметру российских границ..... 6
4. Общественное мнение россиян о причинах межнациональных конфликтов..... 7
5. Конфликты, беженцы, мигранты..... 8

II. Межнациональные конфликты и российская государственность

1. Лозунг суверенизации: изменение политического содержания..... 10
2. Распад СССР как проблема массового сознания..... 12
3. Доминирование административно-политического подхода в строительстве российской государственности..... 14
4. Есть ли угроза новой Кавказской войны?..... 15

III. Русское национальное самосознание

1. Особенности русского национального самосознания..... 19
2. Сдвиги в национальном самосознании русских..... 21
3. Национализм скрытый и явный..... 21
4. Национальное самосознание и проблема гражданственности..... 23

IV. Вместо заключения. Необходимость выработки рефлексивной политики в решении межнациональных проблем

1. Пора определиться в приоритетах..... 26
2. Приоритеты и принципы рефлексивной политики..... 26

1. ВНУТРИРОССИЙСКИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

1. Пространственная локализация конфликтов в России

Межнациональные конфликты в России разворачиваются отнюдь не на всем пространстве страны, и даже не во всех районах межнационального расселения. Если мы обратимся к карте административного деления Российской Федерации, то увидим, что из 89 субъектов ее 57, то есть подавляющее большинство, не содержат в своем названии никакого национального элемента. Остальные территории - их 32, в том числе 21 республика, 10 автономных округов и 1 автономная область - сильно различаются между собою как количественными пропорциями проживающих на этих территориях национально-этнических общностей, так и характером взаимоотношений между ними. В семи субъектах Федерации титульные национальности представлены меньшей частью населения (до 15%), еще 11 территорий имеют в своем составе от 15 до 33% населения, принадлежащего к титульной национальности, 4 республики представляют собою смешанный тип расселения, характеризующийся тем, что здесь нет заметного преобладания какой-либо национальной группы (размытый или биполярный вариант расселения), и, наконец, 10 субъектов Федерации характеризуются явным преобладанием титульной национальности над русскими. При этом открытые конфликты касались только трех субъектов Федерации: Чечни, Осетии и Ингушетии.

Татарстан, Тува, Дагестан, Кабардино-Балкария, республика Саха (Якутия), то есть еще пять субъектов Федерации, относятся к числу территорий, где имела место напряженность в национальных отношениях. Однако она не переросла в открытый конфликт, характеризующийся насильственными действиями сторон. Таким образом, конфликтность и напряженность определенным образом локализованы. В этом смысле они носят ограниченный характер. И даже в регионе наибольшей напряженности межнациональных отношений (Северный Кавказ) конфликт разворачивается не повсеместно, а через определенные локальные точки.

Если двигаться с запада на восток, то можно заметить следующее: образование республики Адыгея (октябрь 1991 года и закрепление этого решения в Конституции РФ) способствовало смягчению национальной напряженности не только в масштабах Краснодарского края, но и во всем Северо-Кавказском регионе; некоторая напряженность имеется в Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии; далее следует зона конфликта между Осетией и Ингушетией, принявшего насильственную форму осенью 1992 года; восточнее Ингушетии разгорается чеченский кризис, нараставший с конца 1991 года (анализ чеченского кризиса выделен в настоящем докладе в самостоятельную тему). В многоэтничном Дагестане имеются точки национальной напряженности, связанные с расселением лезгин и чеченцев-акинцев, не перерастающие в открытый конфликт. Ситуацию в Калмыкии можно оценить как сравнительно спокойную.

Большую конфликтогенную роль в этом регионе может играть при соответствующих обстоятельствах фактор казачества, представляющего собою значительную часть населения Краснодарского и Ставропольского краев и Ростовской области - традиционных русских областей Северного Кавказа.

2. Грозят ли межнациональные конфликты целостности России?

Содержательный анализ конфликтов в пределах РФ позволяет сгруппировать их в три основных типа.

Во-первых, это конфликты, в которых доминирующую роль играют территориальные притязания. Они касаются соседствующих народов и этнических групп и могут приобретать весьма острый характер. Наиболее явный пример конфликта этого типа: Осетино-Ингушский. Напряженность в связи с территориальными спорами имеет место и в Кабардино-Балкарии.

Во-вторых, это конфликты, в которых ставится вопрос о выходе из России и полной государственной самостоятельности. Такого рода конфликты называются сепаратистскими. Здесь наиболее ярким примером является Чечня. Сепаратистские тенденции имели место и в Татарстане до заключения договора о разграничении полномочий между федеральными и республиканскими властями, несмотря на отсутствие у Татарстана каких-либо внешних границ. За пределами России такого же типа конфликты - Абхазско-Грузинский и Приднестровский.

В-третьих, это статусные конфликты, в основе которых лежат требования расширения административно-управленческих полномочий в соответствующем регионе. Этот конфликт может быть прямо не связан с национальными интересами каких-либо этнических образований. Национальный аспект такого рода конфликтов раскрывается лишь в отношении к проблеме целостности России и признания или непризнания авторитета Российского государства. Примером такого конфликта может служить провозглашение Уральской республики, признанное неправомочным последовавшим за этой акцией Указом Президента.

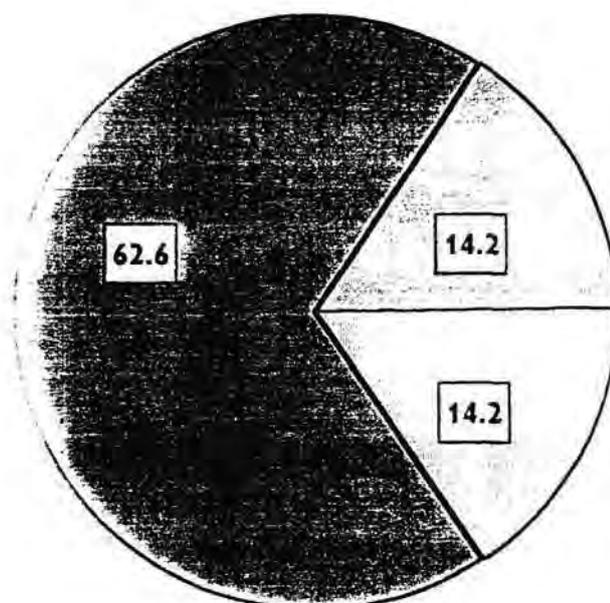
Краткий обзор сложившегося положения дел позволяет сделать вывод: конфликтность не является доминирующей чертой межнациональных отношений в Российской Федерации. Однако межнациональные отношения - легко воспламеняемый материал. Зоны напряженности при сравнительно небольших ошибках в отношениях с местными властями могут быстро трансформироваться в конфликты, и если в этих конфликтах применяется насилие, то неизбежно возникновение кризиса, который может приобрести затяжной характер.

Ощущаемой взрывоопасностью межнациональных отношений объясняется серьезная озабоченность общественного мнения национальными конфликтами. Это проявляется практически во всех опросах. В межнациональных конфликтах не без оснований видят одну из самых больших угроз сохранению России. Так, в мартовском опросе 1994 г., проведенном по общероссийской выборке Центром социального прогнозирования и маркетинга РНИСиНП, были получены следующие данные (см. табл. 1):

Оценка значимости межнациональных конфликтов для Российского государства, %

	<i>согласен</i>	<i>не согласен</i>	<i>затрудн. ответить</i>
1. Межнациональные конфликты не представляют собой большой опасности для России	13,5	55,6	12,4
2. Дело идет к тому, что межнациональные конфликты могут привести к развалу Российского государства	62,6	14,2	14,2

Диаграмма 1

Преобладающее мнение об особой опасности межнациональных конфликтов для России выражает, на наш взгляд, не только оценку конфликтности национальных отношений в РФ, но и реакцию на распад СССР, павшего под ударами суверенизации составлявших его республик. При этом выяснилось, что суверенизация и провозглашение полной национальной независимости не привели к решению национальных конфликтов, возникших еще в период существования Союза. Россия, имея внутри себя регионы национальной напряженности и конфликтности, оказалась окруженной почти по всему периметру старыми и новыми конфликтными зонами.

3. Конфликты по периметру российских границ

а) Прибалтика: возникли конфликты по поводу гражданских прав русского населения, превратившегося там в граждан второго сорта или вообще лиц без гражданства. Российское государство вынуждено искать меры защиты гражданских прав, что, соответственно, было интерпретировано в качестве вмешательства во внутренние дела независимых государств и стремления возродить имперские традиции.

б) Приднестровье. Внутренний сепаратизм в Молдове, образование самопровозглашенных Приднестровской и Гагаузской республик умеряли сепаратистские амбиции молдавского руководства и побуждали его искать поддержку в Центре против собственных сепаратистов. Тем не менее возник вооруженный конфликт в Приднестровье, имевший форму этно-национального, однако с обеих сторон в противостоянии участвовали люди разного происхождения: русские и молдаване, лица других национальностей. Присутствие 14-й армии в Молдове оказалось действенным для замирения сторон в вооруженном конфликте, развернувшемся в Приднестровье. Армия присутствует там до сих пор и является важным умиротворяющим фактором.

в) Украина. Определенная напряженность в отношениях связана с проблемой Крыма. Откровенно пророссийская политика президента Крыма Ю. Мешкова не получила поддержки и закрепления, в то же время декларация Верховного Совета РФ о незаконности включения Крыма под юрисдикцию Украины не вызвала негодования украинских властей. Ситуация осложняется также проблемой российских военных баз в Черном море и проблемой раздела Черноморского военного флота.

г) Закавказье. Здесь наиболее острыми за последние годы остаются карабахский конфликт и грузино-абхазский конфликт. Границы Нагорно-Карабахской автономной области и Нахичеванской автономной республики были определены в 1922 году при установлении границ между Азербайджаном и Арменией, которые входили тогда в состав единой Закавказской Республики. Чисто административные границы превратились в границы политические и стали поводом для нагнетания национально-политических конфликтов.

Ответственность России в грузино-абхазском конфликте определяется тем, что Абхазия апеллирует к России, добиваясь выхода из состава Грузии, что было провозглашено абхазским парламентом в ноябре 1994 года и что не признал грузинский парламент в качестве законного действия в декабре 1994 года. Кроме того, в пограничный район между Абхазией и Грузией введен контингент российских миротворческих войск по согласию обеих сторон конфликта.

д) Казахстан. Здесь наблюдается определенная напряженность в межнациональных отношениях. Русское население требует признать русский язык в качестве государственного и согласиться с идеей двойного гражданства, что не находит поддержки у руководства республики. Продолжается интенсивный отток русскоязычных. В северо-западном регионе семиреченские казаки требуют воссоединения Казахстана и России.

е) Таджикистан. С 1990 года конфликт в Таджикистане развивался как конфликт по поводу доминирования в общетаджикском масштабе одной из этнических групп этой страны. Изначально он не был направлен против России и русского населения. Однако острота нарастающего противостояния, по типу афганской войны, привела к необходимости использования силового начала в целях

умиротворения сторон. Этот конфликт имеет тенденцию перерастания в центрально-азиатский конфликт в целом (с включением Узбекистана и других стран этого региона). Необходимость сохранения российских войск, а также войск других стран СНГ здесь обусловлена тем, что в противном случае произойдет "афганизация" Таджикистана.

Таким образом, первый вывод, который следует из предложенного обзора состоит в том, что в суждении об особой опасности межнациональных конфликтов для ближайшего будущего России содержится указание не только на негативные смыслы собственно внутривосточных конфликтов, уже обнаруживших свою силу, но и конфликтов по периметру России: каждый из них может стать источником деструктивных тенденций для всего постсоветского пространства, а следовательно, и для России.

Второй вывод состоит в том, что значение существующих конфликтов и напряженностей определяется не их массовостью и повсеместностью, а прежде всего тем, что вспыхнувший межнациональный конфликт, даже если он возникает в одной точке, приобретают огромное дестабилизирующее значение. Как правило, последствия этого конфликта касаются не только данного региона: он затрагивает все федеративное устройство России и в силу этого приобретают политическое значение.

4. Общественное мнение россиян о причинах межнациональных конфликтов

Возвращаясь к данным *таблицы 1*, следует более внимательно отнестись и к тем 14% респондентов, которые избрали суждение о том, что межнациональные конфликты не представляют собою большой опасности для России. Как ни странно покажется на первый взгляд, это суждение, хотя оно поддерживается меньшинством и кажется противоречащим очевидным фактам, оказывается гораздо более взвешенным в аналитическом плане. Вполне логично допустить, что большая часть респондентов, избравшая именно эту оценку межнациональных конфликтов, имела в виду, что сами по себе национальные конфликты не играют решающей роли. Они лишь используются в качестве средства для решения вопросов иного характера, не выступающих на поверхность с такой же очевидностью, как национальные противостояния. О справедливости именно такой интерпретации данной позиции свидетельствует распределение ответов на другой вопрос той же самой анкеты (*см. табл. 2 и диаграмму 2*).

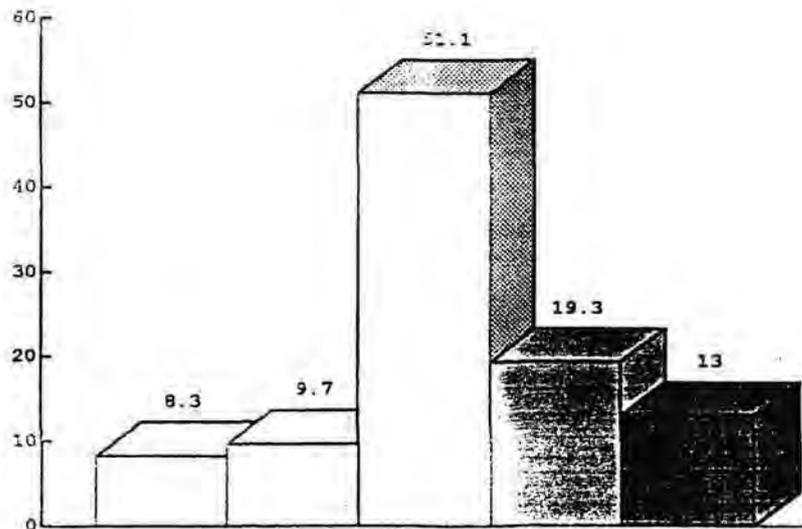
Таблица 2

Общественное мнение о причинах межнациональных конфликтов

1. Межнациональные конфликты неустранимы, так как вся история - это борьба между собою различных этнических групп	8,3%
2. Межнациональные конфликты достались в наследство от СССР и КПСС	9,7%
3. Межнациональные конфликты провоцируются местными политиками, сами по себе люди, принадлежащие к разным национальным группам, могут жить между собой вполне мирно	51,1%

4. Межнациональные конфликты провоцируются центральными властями, которые проводят известный принцип "разделяй и властвуй" 19,3%
5. Мне трудно сделать выбор, так как я не разбираюсь в этих вопросах 13,0%

Диаграмма 2

Как видно, весной 1994 года большая часть населения склонна была усматривать причины межнациональных конфликтов в происках местной и центральной политической элиты. При этом мнение об ответственности местных политических лидеров за разжигание национальных конфликтов оказалось в два с половиной раза более распространенным в сравнении с обвинениями в адрес центральных властей. Важно обратить внимание и на остальные позиции: 13% респондентов признались в собственной некомпетентности и нежелании определяться по столь важному вопросу государственной политики; 9,7% избрали классическую демократическую формулу, согласно которой все беды начинаются от Октября 1917 года и от КПСС; наконец, 8,3% избрали позицию, которую можно охарактеризовать как этноцентристскую.

5. Конфликты, беженцы, мигранты

Ближайшим следствием национально-этнических конфликтов, развернувшихся как в СССР, так и в России, оказалось возникновение проблемы беженцев и вынужденных мигрантов. Сотни тысяч людей были вынуждены покинуть места проживания в силу опасности за свою жизнь и жизнь своих близких. Многие люди были изгнаны из своих сел и городов как инородцы либо средствами прямого насилия, либо путем создания атмосферы, невозможной для нормальной жизни. При этом Россия оказалась страной, в которой находили убежище не только русские, но и представители всех национальных групп, попавшие в безвыходное положение в прежних местах своего проживания. Массовые потоки

беженцев представлены армянами из Азербайджана и азербайджанцами из Армении, турками-месхетинцами из Казахстана, таджиками и русскими из Таджикистана, осетинами из Грузии, грузинами из Абхазии, русскими из стран Балтии, ингушами из Осетии, а в конце 1994 года русскими и чеченцами из Чечни.

Официальная статистика свидетельствует о том, что поток беженцев и вынужденных переселенцев вырос только за один 1993 год с 160 до 448 тысяч человек, то есть в 2,8 раза. Данные *таблицы 3* дают представление о том, из каких мест выехали беженцы.

Таблица 3

Число лиц, получивших статус беженцев или вынужденных переселенцев в органах Федеральной миграционной службы РФ (на начало года)

<i>Регионы прежнего проживания</i>	<i>1993</i>	<i>1994</i>
Таджикистан	65448	134046
Узбекистан	3247	21613
Кыргызстан	897	20971
Казахстан	283	7948
Туркменистан	54	504
Грузия	24817	90880
Азербайджан	32860	77339
Армения	126	1990
Россия	21860	69951
Украина	19	281
Беларусь	17	
Молдова	10341	14664
Латвия	85	4245
Эстония	60	2050
Литва	44	510
Не указана терр.	243	924
Итого:	160341	447933

Приведенные данные являются существенно заниженными даже на начало 1994 года, так как далеко не все лица, выбирающиеся из зон насильственного конфликта и национальной напряженности, регистрируются в органах миграционной службы. Кроме того, за 1994 год число беженцев и вынужденных мигрантов возросло и достигло по некоторым оценкам 1,5 млн. человек. Сопоставление

потока беженцев с проживавшим в 1989 году русским населением в соответствующих республиках СССР показывает, что наибольшая напряженность в национальных отношениях обнаружилась уже к началу 1994 года в трех главных точках: в Таджикистане, который покинула примерно третья часть русскоязычного населения, в Грузии и Азербайджане, откуда выехала примерно четвертая часть этого населения.

В последнее время возник массовый поток беженцев из Чечни. По данным Федеральной миграционной службы на 30 декабря 1994 года общее число беженцев из этой республики достигло 100-150 тысяч человек. Ежедневно в службы ФМС обращаются от 800 до 2,5 тыс. человек. Республику покидают люди всех национальностей: русские, ингуши, чеченцы. Большинство из них направляются в Ингушетию и в Ставрополье.

II. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

1. Лозунг суверенизации: изменение политического содержания

Как быстро выяснилось, строительство новой государственности - дело гораздо более сложное, нежели разрушение Союзного государства. Проект Содружества Независимых Государств, которое должно было бы сохранить позитивные моменты, оставшиеся от СССР, оказался фикцией. Каждое из вновь возникших государств озаботилось прежде всего своими собственными проблемами. Новое руководство пыталось изыскать внутренние ресурсы для самостоятельного развития вновь возникших стран, опираясь на концепции экономической самостоятельности и политического суверенитета. При этом в реализации реформ, направленных на демократизацию и развитие рыночных отношений, наблюдается весьма большое разнообразие: от туркменского до грузинского вариантов.

Российские власти столкнулись с наиболее сложными проблемами государственного строительства прежде всего в силу разнообразия российских условий, многонационального состава населения и весьма большой напряженности, возникшей на линии: центр - регионы. Однако главная трудность заключается в отсутствии концептуальной проработки вопросов государственного строительства, в том числе и недостаточном понимании роли государственной власти в регулировании межнациональных конфликтов.

Как известно, Россия в лице своих политических лидеров выступила одним из инициаторов распада СССР. Демократическое крыло инициировало и приветствовало эту акцию, апеллируя к историческому опыту распада мировых империй и выдвигая соображения об экономической пользе такого рода освобождения для российской экономики, которая якобы была скована обязательствами по отношению к более слабым, менее развитым в экономическом отношении республикам.

В борьбе против Союзного государства и его первого президента руководство России выдвинуло лозунг "берите столько суверенитета, сколько сможете переварить". Этот лозунг содействовал выдвижению новых кадров региональной элиты. Он был использован, в частности, и генералом Д. Дудаевым, провозгласившем государственный суверенитет Чечни по отношению уже не к Союзу, а к России. Дальнейшее поддержание этого лозунга после распада СССР оборачивалось про-

тив целостности самой России. Вместе с тем даже после принятия новой Конституции РФ содержание лозунга суверенизации не было критически переосмыслено в выступлениях политических лидеров страны. На первый взгляд это может показаться случайностью, но в действительности речь идет о существенных дефектах политического мышления, не способного точно определить момент смены устаревшего политического лозунга и в силу этого воспроизводящего хаос в массовом сознании и в общественном мнении.

Казалось бы, что демократизация общества, поддержанная подавляющим большинством населения, должна была бы содействовать выработке более эффективной политики, учитывающей состояние общественного мнения и завоевывающей все более существенные позиции в массовом сознании. Однако этого не произошло. Уровень осмысления происходящего оказался не адекватным степени сложности задач реформирования общества. Поэтому многие процессы развивались в стихийно-инерционном плане. Они не корректировались с точки зрения государственных интересов. Более того, предпринимаемые политические акции организовывались и строились таким образом, что их реальный результат оказывался прямо противоположным намерениям, во имя которых осуществлялась соответствующая акция. Не случайно одним из наиболее распространенных клише при оценке политических событий стала фраза: "хотели, как лучше, а получилось, как всегда". Практическим выражением слабости политического осмысления процесса государственного строительства является отсутствие четко обозначенных приоритетов в политике в целом, в том числе и в национальной политике. А без этого невозможно добиться того рамочного консенсуса в обществе, которое представляет собою необходимое условие политической стабилизации.

Стихийная направленность в развитии массового политического сознания определяется поиском новой идентичности, которая должна была бы прийти на смену идеологической компоненте в структуре этого сознания. Самым простым ответом на потребность рационализации связей между индивидом и обществом в условиях краха социалистической идеологии оказывается национально-этническая идентификация. Но этот самый простой ответ одновременно в значительной мере и самый сложный, так как национальная идея спланирует лишь часть общества, противопоставляя ей иные этно-национальные группы. Эта линия развития весьма опасна именно для России, которая остается многонациональным и многоконфессиональным сообществом. Курс на формирование национального государства, к которому склоняются некоторые влиятельные политики и эксперты, означает стремление к краткосрочному выигрышу при игнорировании проблем долгосрочного характера.

Более эффективный путь государственного строительства, который находит очень слабую поддержку в практической политике, состоит в кропотливой работе по упрочению реальных институтов "промежуточной" власти, рассматриваемой как в региональном, так и в институциональном планах. Объединить российское общество возможно не путем возврата к новым идеологическим доктринам, а с помощью организации законопослушной деятельности, основанной на сочетании материального интереса и уважении к нравственным нормам общечеловеческого характера.

В нынешних условиях нет более важной задачи, чем консолидация населения России в новое общество и новое государство. Новые нормативные представления о характере современного российского общества и государства сформированы достаточно определенно и на уровне общих идей, и в принятых государством

важнейших документах, прежде всего в Конституции Российской Федерации, и в этом смысле можно говорить о том, что самые общие цели общественного развития поставлены. Однако они, во-первых, абстрактны, что допускает возможность существования разнонаправленного спектра их интерпретаций, а во-вторых, общество до сих пор вокруг них не объединилось.

2. Распад СССР как проблема массового сознания

Чтобы лучше понять роль межнациональных конфликтов в России, следует более подробно остановиться на причинах распада СССР. Как известно, истолкование этого вопроса само является важным пунктом политической конфронтации. Однако как бы не оценивать акцию участников Беловежского соглашения в личном и политическом плане, необходимо иметь в виду, что декларации о прекращении существования Советского Союза предшествовал целый ряд проектов Союзного договора, вокруг которых разворачивались политические страсти. Процесс обновления союзной государственности был прерван августовским путчем.

Анализ этого и последующих событий заставляет прийти к выводу, что гибель союзного государства во многом была связана с тем, что общество переросло ставшие ему тесными рамки организации совместной жизни в унитарной советской системе. Единообразия управления пришло в столкновение с необходимостью учета реального хозяйственного, социокультурного, социально-экономического разнообразия, без которого невозможным стало достижение сколько-нибудь эффективного развития территорий. Выросли, во многом благодаря усилиям последних десятилетий послевоенного развития, местные, в том числе национальные элиты, способные к проведению более самостоятельной и ответственной политики, к разработке более эффективных стратегий развития территорий и регионов, учету их качественного своеобразия не только хозяйственно-экономического, но и социокультурного, цивилизационного.

Новые государства, возникшие вместо распавшегося унитарного государства, есть та новая реальность, с которой следует считаться. Признание этого факта не зависит от степени зрелости новых государств, их способности проводить достаточно эффективную и успешную политику. Однако осмысление этой реальности со стороны общественного мнения и даже представителей новых институтов власти - процесс чрезвычайно сложный. Тем более, что процесс разрушения Союза вобрал в себя множество существенных и второстепенных, в том числе и весьма случайных, моментов и событий, которые могут затемнять его суть.

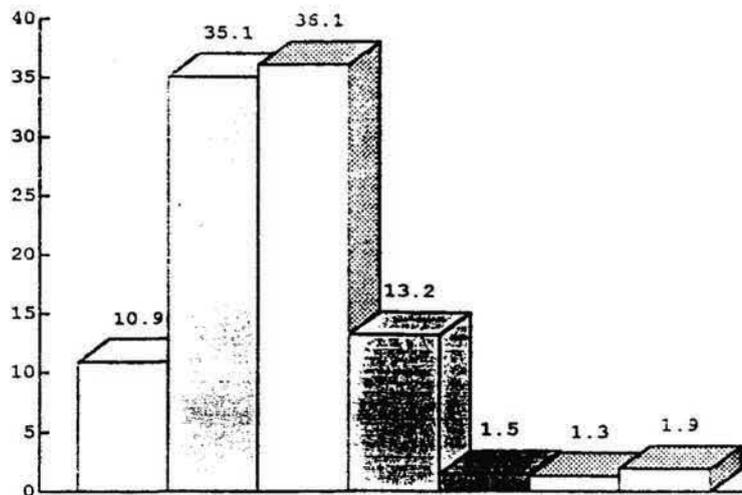
Радикальная смена государственно-политической идентификации может представляться довольно простым процессом для некоторых профессиональных идеологов. Но для массового сознания это процесс весьма сложный и мучительный: ведь надо, по сути дела, пересмотреть базисные мировоззренческие установки, затрагивающие вопрос о смысле собственного бытия.

Исключительную сложность такого рода пересмотра демонстрируют данные общероссийского исследования "Наши ценности сегодня", осуществленного под руководством чл.-корр. РАН Н.И.Лапина. В анкете ставился вопрос: "Как Вы относитесь к факту распада СССР". Ответы распределились следующим образом (см. табл. 4):

Отношение к распаду СССР

Позиции	Доля ответивших
Это катастрофа мирового значения	10,9%
Это беда для многих людей	35,1%
В этом есть и плохие и хорошие стороны	36,1%
Не вижу в этом беды	13,2%
Это очень хорошо	1,5%
Не знаю	1,3%
Отказ от ответа	1,9%

Диаграмма 3

Важно отметить, что почти половина населения более, чем через два года после произошедших событий оценивают распад Союза либо как катастрофу мирового порядка, либо как несчастье, беду личного плана для многих граждан бывшего СССР. Эту позицию достаточно широко распространенную в массовом сознании не следует отождествлять с позицией тех защитников Советского Союза, которые объединяются на платформе так называемой радикальной оппозиции и требуют возврата к старым формам государственности.

Только 14,7% (четвертая и пятая позиция в сумме) опрошенных вполне определенно поддерживают официальную правительственную трактовку распада СССР и около трети пытаются рассуждать диалектически, усматривая в свершившемся распаде и хорошее, и плохое.

Таков общий фон восприятия начального пункта строительства Российской государственности. Правительство и президентская власть не находят в этом кардинальном пункте своей политики более или менее солидной и массовой поддержки. В решении важнейших вопросов строительства российской государственности, как и в ряде иных направлений своей политики, они - после распада СССР - вынуждены были идти против течения. При этом, как представляется из официальных деклараций и заявлений государственных деятелей различного уровня, эта ситуация не осознается самими политиками, что и порождает неясность в национальной политике России и ее шараханья из стороны в сторону.

Практическая политика российских властей строится не на основе решения конструктивных задач, способствующих объединению людей различных идеологических ориентаций в общем деле, а на базе постоянного противопоставления России Советскому Союзу, и в особенности горбачевскому политическому режиму. В области национальных отношений действие этого "принципа" стало особенно заметным в связи с принятием закона о реабилитированных народах, формулировки которого породили сначала неопределенность ситуации, национальную напряженность и во многом содействовали разжиганию осетино-ингушского конфликта.

Осмысление задач строительства собственно Российской государственности дается чрезвычайно трудно как на уровнях политического руководства, так и в сознании граждан. Об этом свидетельствуют данные опроса РНИСиНП (на который мы уже ссылались выше). Весной 1994 года выбор в пользу гражданства России в сопоставлении с гражданством СССР делали 54,1% опрошенных против 10,4%. Вместе с тем более трети респондентов, отвечая на вопрос, "Кем Вы ощущаете себя сегодня?", признавались: "сам не знаю кем".

3. Доминирование административно-политических подходов в строительстве российской государственности

Из-за несформированности российской государственности, неопределенности ее интересов складывается ситуация, когда политические решения, их колебания начинают доминировать над всеми остальными отношениями. Значимость политических, административных решений гипертрофируется, они принимают на себя груз отношений и решений остальных типов. Подобное положение означает, что власть организационными средствами вынуждена замещать слабость культурных, социальных и идеологических интеграторов. Если первых двух не хватало и во время советской власти, то последние, т.е. идеологические несли там колоссальную нагрузку, поддерживая и укрепляя политические, административные решения. По сравнению с тем временем государство ослабело, так как значимость и влияние господствующей государственной идеологии сильно понизились, социальные связи, играющие интегративную роль, все так же несформированы, а культура не имеет достаточного потенциала консенсусных отношений в масштабе страны.

Кроме того из-за отсутствия консенсуса в обществе открывается путь развязывания конфликтов разных типов, включая этно-национальные; активные группы населения постоянно сталкиваются по поводу острых проблем социально-экономической реформы, конкретных политических проблем, в том числе проблем национальной политики. Даже в случаях политической демобилизации, видимой индифферентности общество остается особенно чувствительным к поли-

тической, административной сфере общественных отношений. Результатом является высокий уровень нестабильности, снижение порогов устойчивости общества, особенно в условиях накопления большого числа неразрешенных проблем. Этно-национальная сфера, в том числе этно-национальные конфликты также начинают в определяющей степени детерминироваться политическими решениями, зависеть от них.

Следует признать, что между конфликтами, подрывавшими основы Союзного государства и конфликтами, направленными против новых государств, имеется принципиальное различие. Первые содействовали демократическим процессам и являлись составляющей этих процессов, вторые, по сути дела, оказались направленными против новой государственности, новых еще не окрепших политических и экономических институтов. Наряду с изменением смысла лозунга суверенизации коренным образом изменилась трактовка задач строительства новой государственности. В практике российской политики возникла дилемма: либо Российское государство сумеет самоопределиться в качестве культурного и политического единства на основе общественного договора со своими гражданами, либо возобладают авторитарные формы и способы правления, которые выступят по отношению к народам, населяющим Россию, в качестве новых форм имперского, насильственного правления. Несомненно, что реставрация имперской государственности будет сопряжена с теорией и практикой изоляционизма. Такой вариант интерпретации государственных интересов и методов их реализации приведет к дальнейшему отторжению страны не только от новых независимых государств, но и от европейского и мирового сообщества, к которым Россия начала приближаться на основе внутренних демократических преобразований. При этом национальные конфликты, игравшие роль важнейшей пружины при распаде СССР и на определенном этапе содействовавшие демократическим процессам, не получают нормального разрешения. Они будут либо вновь загнаны внутрь, либо приобретут еще большее распространение, насильственные формы.

4. Есть ли угроза новой Кавказской войны?

Казалось, что 1994-й год войдет в историю становления новой российской государственности как год относительно спокойный. Стали заметны первые признаки экономической и политической стабилизации. Решающую роль в этом процессе сыграло установление легитимности политического режима на основе вновь принятой Конституции РФ. На ее основе были заключены несколько договоров о разграничении полномочий между федеральными и республиканскими властями.

Логично предположить, что после этого президентские структуры и правительство пришли к выводу о необходимости ускоренного решения чеченского вопроса. Чечня представляла собою последний очаг дестабилизации и весьма опасный пример для широко распространенных настроений сепаратизма. Как известно, генерал Дудаев провозгласил полный суверенитет Чечни и предпринимал немалые усилия для того, чтобы получить признание своей независимости на международной арене.

Российские власти на первых порах решили использовать внутренний конфликт в Чечне для свержения режима Дудаева. В этих целях делалась ставка на Автурханова, отряды которого при негласной поддержке российских властей несколько раз пытались овладеть Грозным. Последняя из таких попыток относится к ноябрю 1994 года. Главный ее результат состоял в том, что в плен к ду-

даевским боевикам попало несколько десятков военнослужащих российской армии, принявших участие в этой акции на основе договора с ФСК. Таким образом позиция российских властей оказалась выявленной и Совет Безопасности РФ счел необходимым теперь уже открыто применить силу для свержения дудаевского режима. В Чечню были введены вооруженные подразделения МВД и российской армии. Три силовые министра были направлены в район проведения операции. Однако все эти усилия не получили необходимого обоснования в высказываниях высшего политического руководства страны. Как известно, обращение президента Ельцина к народу последовало уже после начала боевых действий.

Официальная позиция правительства обосновывалась следующими аргументами: действия вооруженных сил направлены на восстановление целостности России в соответствии с Конституцией; непосредственная задача, которая ставилась перед войсками, состояла в разоружении незаконных военных формирований, действовавших на территории Чечни. Всем участникам конфликта предлагалось сдать оружие. В качестве дополнительных аргументов были введены соображения о криминализации всей власти в Чечне, потере управляемости, необходимости нормализовать разрушенную экономику и добиться восстановления действия Северо-Кавказской железнодорожной магистрали.

Что касается Дудаева, то он апеллировал к идее суверенитета республики, активно использовал концепцию имперских амбиций Российского руководства, добавив к этому еще и идеологию "антирусизма".

Несмотря на отдельные декларации о готовности вести переговоры обе стороны явно не высказывали желания реально о чем-либо договариваться. Нежелание вести переговоры властными структурами России стало особенно ясным после того, как Президент РФ обратился к Федеральному собранию с предложением определить рамочные условия этих переговоров: кто должен быть наделен полномочиями, в каких пределах, каков должен быть предмет переговоров и в чем состоят предварительные условия их организации. Это обращение было сформулировано не до начала военных действий, а примерно две недели спустя после того, как они развернулись в полную силу.

Ближайшим следствием чеченской войны стал раскол в демократическом лагере, который еще раз разделился на государственников и демократов. Первые (в том числе А.Козырев, Б.Федоров, С. Шахрай) поставили на ведущее место ценность целостности государства, тогда как вторые (Е. Гайдар и С.Ковалев) - права человека и права народа. В одном из первых интервью, данных в связи с чеченским кризисом, Е. Гайдар заявил, что силовое решение этой проблемы представляет собою практический шаг к формированию полицейского государства в России.

Исполнительная центральная власть вновь размежевалась с законодательной властью. Однако они на сей раз поменялись местами: в октябрьских событиях 1993 года в Москве исполнительная власть представала как прогрессивно-реформаторская, а законодательная как воплощение реакционных антиреформаторских сил, обломок советской системы. Расстрел парламента, несмотря на то, что демократы уже тогда раскололись по этому вопросу, в целом удалось представить как защиту реформаторского курса от реставрации, как предотвращение гражданской войны малой кровью.

Теперь ситуация оказалась обратная: исполнительная центральная власть проводит имперскую политику полицейского государства, полностью теряя остатки своего демократического имиджа, тогда как законодательная власть выступает

представителем общества, отстаивающего права человека, требования проведения политики ненасилия.

Любопытны и неожиданные объединения: права человека в данном случае оказались неразделимыми с правами народа, что объединило демократов и националистов, ибо именно последние, как известно, говорят об этнических правах, тогда как для первых смысл всегда заключался в утверждении прав человека вне зависимости от его национальности.

Произошел раскол в высшем командовании российской армии. Три заместителя министра обороны (генералы Громов, Миронов и Кондратьев) выступили против своего непосредственного начальника. Популярный в стране и армии генерал Лебедь также открыто выступил с критикой военного решения конфликта в Чечне, говорил о других возможных решениях этой проблемы, не требующих гибели людей с обеих сторон. Он, в частности, считал возможным организацию с помощью армии блокады Чечни.

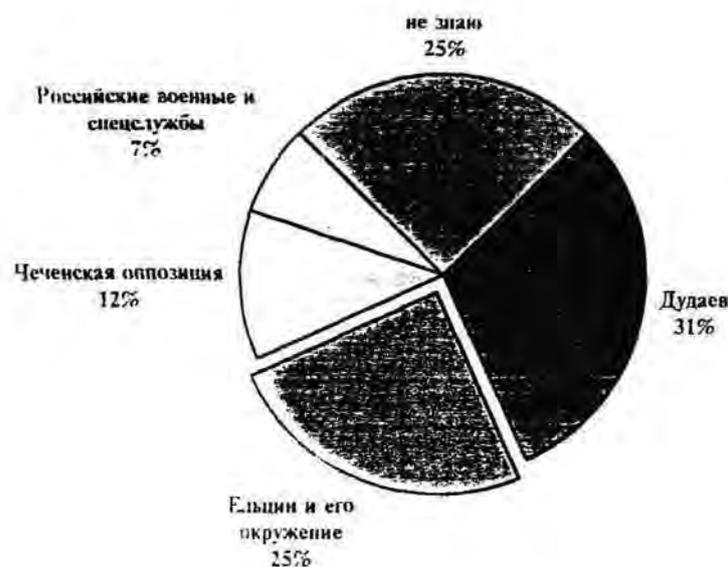
В этой связи важно понять, на чьей стороне общественное мнение? Какой стороне конфликта оно оказывает поддержку?

Опросы, проведенные ВЦИОМ вслед за началом военных действий, выявили следующую картину. Задавалось три вопроса (см. "Известия", 23 декабря 1994 г., N 246.):

1. Кто, по Вашему мнению, несет ответственность за обострение положения в Чечне, за развитие событий по пути вооруженного конфликта?

Ответы (в процентах от числа опрошенных) распределились следующим образом:

Диаграмма 5

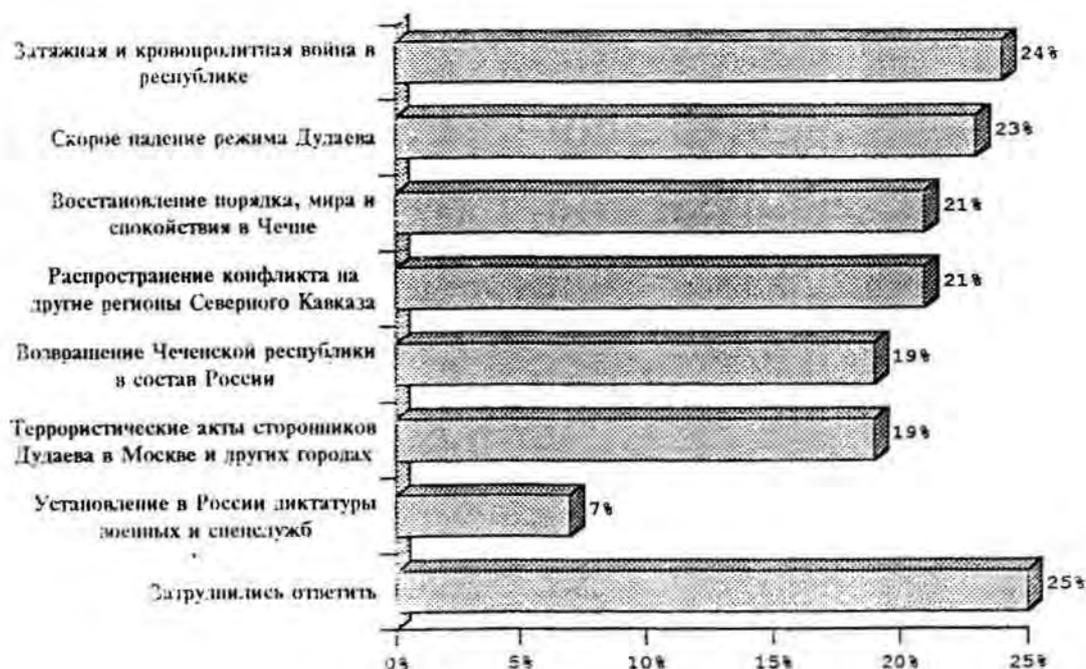
2. Какие действия Вы сейчас готовы поддержать?

В данном случае сложилось следующее распределение ответов:

3. Мнения опрошенных о возможных последствиях нынешнего развития событий в Чечне распределились следующим образом:

Диаграмма 7

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в обществе не сложилось единого мнения относительно правомерности или неправомерности действий исполнительной власти. Разница между теми, кто стоял за мирные способы разрешения чеченского кризиса, и теми, кто выступал за решительные действия по наведению порядка, не выявляет значительного преобладания ни одной из групп: 30% против 36%.

Почти пятая часть опрошенных соглашается с тем, что конфликт может распространиться на другие регионы Северного Кавказа. Угроза новой Кавказской войны была одним из главных соображений, заставлявших центральные власти терпеть Дудаева и не принимать против него решительных мер вплоть до декабря 1994 года. Тем более, что развитие событий в этом направлении было задано в ходе грузино-абхазского конфликта: добровольцы из многих районов Северного Кавказа, включая чеченцев, принимали участие в боевых действиях на абхазской стороне. Определенная часть их после окончания активных военных действий переправилась в Чечню, где они составили наиболее подготовленную для сопротивления часть защитников Грозного.

Однако надеждам радикальных сепаратистов на массовое участие населения в новой кавказской войне сбыться не суждено. XIX век не может повториться. Северный Кавказ, в том числе и Чечня, подверглись почти за полтора столетия, прошедшие со времени окончания Кавказской войны, коренным преобразованиям.

III. РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

1. Особенности русского национального самосознания

Национально-этническая напряженность в России, а в какой-то мере и во всем постсоветском пространстве, в значительной мере определяется тем, как и в каком направлении развивается собственно русское национальное самосознание.

Всякое национальное самосознание включает в себя весьма сложные, нередко взаимоисключающие элементы, представляющие собою, с одной стороны, различные способы и структуры национальной самоидентификации, а с другой стороны, разнообразные варианты восприятия и оценки иных национальных общностей.

Иными словами, в национальном самосознании "Мы" постоянно соотносится с "Они", и лишь через это соотношение национальные самоидентификации приобретают определенный смысл. Само по себе "мы-русские", "мы-немцы" и т.д. приобретает определенное мотивационное значение лишь благодаря тому, что за этим утверждением подразумевается существование "их", с которыми сознательно или бессознательно осуществляется сопоставление. При этом характер этого соотношения "Мы" и "Они" не остается неизменным. Во многом оно определяется реальными межнациональными связями и контактами.

Традиционная характеристика русского национального самосознания была связана с тем, что русское "Мы" не содержит в себе сильно выраженного нормативного элемента солидарности. В ходе истории, как и в современной политической практике, чаще наблюдается раскол русского самосознания, принимающий подчас весьма ожесточенные формы. Типичный пример - раскол на белых и красных, сыгравший столь трагическую роль в истории русского народа. В

измененной и ослабленной форме в сравнении с периодом гражданской войны и сталинского террора этот раскол продолжает действовать и поныне.

В отличие от англичан русские не объединялись идеей цивилизаторской миссии даже по отношению к тем народам, которые входили в состав Российской империи. В отличие от немцев они не признавали приоритета государственного начала, а скорее были склонны к анархии и самоуправлению, доходящему до самоуправления. В отличие от американцев русские не были вновь сложившейся нацией, противопоставлявшей себя "старому миру" на основании новых форм демократического устройства. В отличие от японцев им не присуще чувство иерархической зависимости и дисциплины в рамках организации.

Нормативно-солидаристское содержание национального самосознания происходит из двух возможных причин. Либо это результат переживания угрозы существованию данной нации (евреи, армяне), либо это результат модернизирующей роли по отношению к другим народам (англичане, американцы). В том и другом случае на первый план выходят политические силы в лице государства или национальных движений, формулирующие идеологию и мораль, основанную на общности национальных интересов, организующие социальный контроль за выполнением соответствующих нормативных предписаний.

В истории русского народа можно наблюдать действие всех названных обстоятельств, но в весьма своеобразной форме. Существование русских ставилось под угрозу несколько раз со времен татаро-монгольского ига. Всякий раз эта угроза преодолевалась ценой огромных жертв и усилий. Именно эти усилия и жертвы становились объединяющими символами русской нации и русского народа. Через этот опыт формировалось русское самосознание. Именно эти самозащитные - а не конструктивно-созидательные - моменты играли решающую роль в формировании русского "Мы". Отсюда ведет свое начало идея жертвенности как чуть ли не специфической черты русского национального характера, сопряженная с уверенностью в неистребимости русского народа.

Несомненно и действие второй причины. Русские были и остаются интегрирующим народом: именно их язык стал языком межнационального общения для множества населяющих Россию и СНГ наций и этнических групп. Однако политический фактор в истории России действовал при формулировании национальных интересов не напрямую, как это было при возникновении и становлении государств-наций в Западной Европе, а косвенно, прикрываясь некоторой идеологической доктриной. В случае с Российской империей это была идеология православия, в случае с Советским Союзом - идеология пролетарского интернационализма.

Совокупный итог действия этих причин привел к тому, что русские, особенно в советский период, не придавали особого значения собственной национальной принадлежности. Даже тот факт, что именно русский народ внес решающий вклад в победу над фашистской Германией не стал основанием для упрочения национальной солидарности и тем более для националистических умонастроений в обществе: официальная пропаганда подчеркивала вклад "советского народа" как новой исторической общности людей.

2. Сдвиги в национальном самосознании русских

Волна демократизации внесла существенные коррективы в формирование образа "мы-русские". Выяснилось, что это "мы" якобы содержит в себе "имперское сознание", что русские в других республиках, и прежде всего в Прибалтике, представляют собою "оккупантов" (термин Великой Отечественной войны, обращенный к фашистам, теперь оказался перенесенным на все русское население, живущее вне России).

Кроме того выяснилось, что в русском самосознании неистребим дух тоталитаризма и раболепства, поскольку именно русский народ поддался на обман своей интеллигенции в 1917 году, и поэтому не только терпел сталинский политический режим, но и стал соучастником его кровавых преступлений. Быть русским стало тяжело: нужно было либо брать на себя ответственность за 70 лет Советской власти, либо отрешиваться от собственной истории, как это сделали ведущие демократические идеологи и политики, не убоившиеся порвать не только с собственным личным прошлым, но и с памятью о своих отцах и дедах.

В то же время важным моментом в развитии русского самосознания в условиях демократизации стало преодоление красно-белого раскола, связанное с включением в сферу общения и осмысления русской диаспоры за рубежом вместе с ее колоссальным культурным наследием. В значительной мере "поручик Голицин и корнет Оболенский" определили вектор движения национального самосознания. Не случайно, что именно эта песня стала своеобразным гимном защитников Белого дома в августе 1991 года.

Все это вместе взятое означает глубокий кризис русского национального самосознания, осмысления русского "мы". Это "мы" уже готово было вернуться к неким почти доисторическим формам, либо раствориться полностью в общедемократических модернизационных процессах, если бы не некоторые политические обстоятельства, связанные с необходимостью формирования российской государственности. Они поставили проблемы русского национального самосознания иначе. Во-первых, угроза распада российской государственности после краха СССР привела к поиску новой идеологической конструкции, которая играла бы роль объединяющего начала в рамках российского государства. Во-вторых, изменение международной ситуации в целом привело к новой постановке вопроса о роли России, российской политики и российской культуры в качестве компонентов мировой политики и мировой культуры. В практике международных отношений появились тенденции игнорирования России, оспаривания ее статуса как великой державы и стремления использовать сложившуюся экономическую ситуацию в целях подчинения российской экономики интересам межнациональных монополий. Такого рода давление не могло не породить обратной реакции, выразившейся в формах как мягкого, так и жесткого национализма экстремистского типа.

3. Национализм скрытый и явный

Подобные экстремистские тенденции имеют возможность опираться на достаточно богатое наследие: дореволюционная Россия знала и государственный и бытовой национализм, выражавшиеся в различных формах, от признания нерусских национальностей "иностранцами" до еврейских погромов и жестокого подавления восстаний как в европейской, так и в азиатской частях империи.

В советский период, особенно после войны, государственный и бытовой национализм вновь показали свою власть. Прежде всего, существовал скрытый национализм в официальных структурах власти, включавший в себя неофициальную реакцию на интернационализм как на чисто идеологический казус. Практическая политика, и в особенности кадровая, не могла не учитывать национального состава высшего руководства и особенностей национального самосознания представителей тех или иных национальных групп.

Борьба с космополитизмом в послевоенные годы стала концентрированным выражением именно этих настроений. Уже в это время негласная норма при решении кадровых вопросов заключалась в частности, в недопущении евреев в аппарат партийных органов. В этом плане весьма характерной была попытка создать "дело врачей", которое могло бы стать основанием для разжигания массовой антисемитской кампании.

В качестве психологической базы, на которую можно было бы опереться в этом случае, имелось в виду использовать "темный" национализм - смутное архаическое сознание, присущее любой национальной субкультуре в виде реакции на неудовлетворенность жизнью, и превращающее "Их" во враждебную силу, угрожающую "Нам". И хотя замысел, связанный с "делом врачей", не реализовался полностью, неофициальный антисемитизм оказал определенное влияние на формирование русского национального самосознания в послевоенный период: статистика свидетельствует, что чуть ли не единственной национальной группой, численность которой резко сократилась с 1979 по 1989 годы были евреи.

В балансе взаимоотношений "Мы" и "Они" никогда не исчезает возможность замыкания, концентрации внимания только на "Мы" и восприятия "Их" в качестве враждебной силы. В такого рода дисбалансе и заключается феномен национализма, который принимает ныне в России мягкие и жесткие формы. Наиболее мягкий вариант национализма связан с отождествлением задач Российского государства с интересами русской нации. Жесткие варианты национализма характеризуются агрессивностью и обращением к фашистской символике и идеологии.

В современной политической и духовной практике можно выделить три типа национализма. Первый из них представлен в работах А. Солженицына. С точки зрения этой концепции доминирующими компонентами русской культуры являются славянство и православие. Именно эти традиции и идеи должны быть положены в основу государственности и обустройства России. Идея евразийства является чуждой российской традиции и российским государственным интересам: она идет от Запада. Собственно Россия не принадлежит ни западу, ни востоку, ни Европе, ни Азии. Она самобытна и неповторима в своем духовном своеобразии. Именно через это свое качество она вписывается в контекст современной мировой культуры, которая состоит из совокупности доминирующих национальных культур.

Второй тип национализма опирается на геополитическую интерпретацию современной мировой политики и пытается определить российские интересы исходя из геополитического положения ведущих стран мира. Наиболее отчетливо этот вариант представлен в идее "броска на юг", выдвинутой Жириновским. Суть его в переделе мира между США, Европой, Россией и Японией на "законные" сферы влияния. При этом каждая из доминирующих держав распространяет свое влияние в южном от себя направлении. Россия при реализации этой концепции должна выйти к берегам Индийского океана. Поэтому партия Жириновского считает войну в Афганистане вполне отвечающей интересам России. Насиль-

ственные действия по отношению к Чечне являются началом реализации более фундаментальных замыслов российской политики, соответствующей концепции броска на юг.

Третий тип национализма оказывается весьма странным симбиозом между идеей российской государственности и идеей могущества социалистической державы. Он основан на концепции отождествления России и Советского Союза, на стремлении интерпретировать историю СССР как эпизод российской истории, а сам Союз как форму существования именно российской государственности.

Последние годы показывают, что открывшиеся шлюзы вынесли на поверхность общественного сознания множество достаточно опасных националистических экстремистских тенденций. Скандальная деятельность широкоизвестных экстремистских националистических групп ("Памяти", баркашовцев и др.), победа на парламентских выборах ЛДПР и образование в Госдуме соответствующей фракции во главе с Жириновским - достаточно показательно свидетельствуют о распространенности и влиянии националистических настроений в обществе. Во многом это связано с растущей политической индифферентностью электората и непониманием многовариантности негативных последствий, которые могут обнаружиться в том случае, если правящие политические группировки превратят национальную идею в средство упрочения власти и достижения общественного консенсуса.

4. Национальное самосознание и проблема гражданственности

Ориентация российской государственной политики на национализм в любых его вариантах неизбежно приведет к откату назад, к воспроизводству архаичных форм сознания. Этой тенденции должна быть противопоставлена линия на развитие гражданственности, на формирование комплекса общегражданских ценностей как основания цивилизованного взаимодействия между многообразными культурными ценностями и традициями, связанными с этническими компонентами национальных сообществ.

В этих условиях чрезвычайно важно зафиксировать действительную меру национализма, выяснить, в какой степени идея враждебного противопоставления "Мы" и "Они" в русском национальном самосознании пробила себе дорогу. Выше мы зафиксировали (см. табл. 2), что только 8% респондентов избирают этноцентристскую позицию при ответе на вопрос о причинах межнациональных конфликтов. Теперь рассмотрим некоторые данные, свидетельствующие о степени жесткости национальной идентификации.

В мартовском опросе 1994 года (РНИСиНП) был сформулирован вопрос о целесообразности сохранения пункта о национальной принадлежности в новом российском паспорте. Ответы распределились следующим образом: большинство, составляющее более трети (37,3%) согласилось, что указание на национальность в паспорте следует отменить. Достаточно большой процент опрошенных (30,5%) полагают, что отметку в паспорте о национальности следует оставить, а 27,7% - не испытывают никаких чувств в отношении этой проблемы и отвечают, что им "все равно".

Поскольку большая часть отвечавших (более 80%) - русские, подобное безразличие говорит в пользу того, что они не ощущают угрозы своей национальной идентичности, не видят в ней проблемы, ощущают себя в этом отношении достаточно комфортно. Среди тех, кто хотел бы сохранить графу о национальности в

паспорте, были как русские, понимающие национальность как этничность и не желающие проникновения в русский народ представителей других этносов, так и национальные меньшинства, озабоченные сохранением своей этнокультурной самобытности и прав, опасением, что они могут раствориться среди большого народа в случае, если их самобытность и права (а возможно и некоторые льготы, которые имели в СССР представители малочисленных народов) не будут надежно защищены.

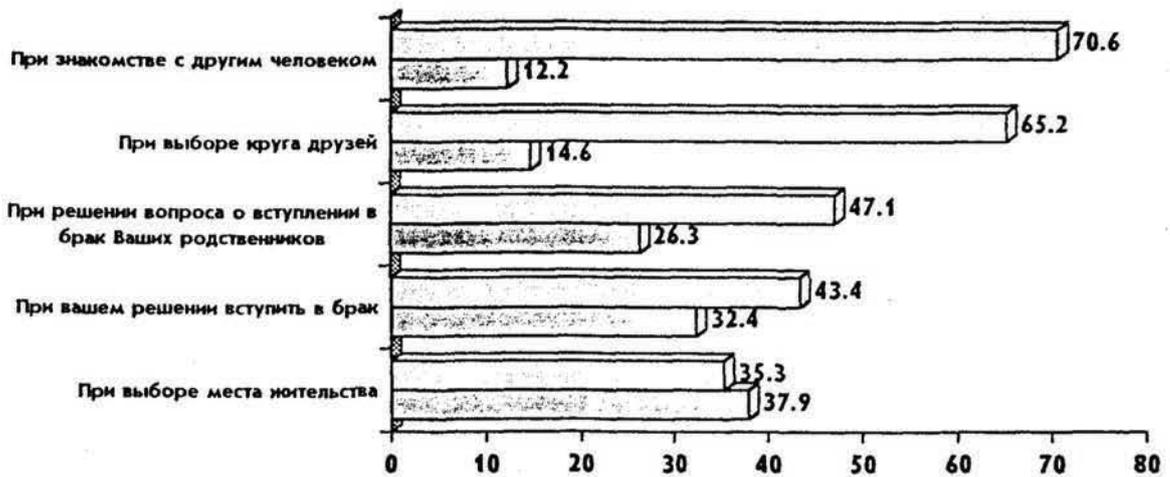
Отвечая на другой вопрос аналогичного плана 39,5% респондентов согласились с тем, что взрослые граждане должны иметь право законно менять свою национальную принадлежность по личному выбору, а 32,4% отстаивают в этом вопросе традиционную точку зрения о невозможности "природный", данный при рождении фактор как-либо изменять по собственному усмотрению, и достаточно большой процент (22,9 %) колеблются в ответе на этот вопрос.

Далее приводятся данные распределения ответов на вопрос, смысл которого также заключался в том, чтобы выявить степень распространенности националистических установок.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос о влиянии национальной принадлежности другого человека на отношение к нему %

	<i>Да, влияет</i>	<i>Не могу сказать</i>	<i>Нет, не влияет</i>
1. При знакомстве с другим человеком	12,2	9,1	70,6
2. При выборе круга друзей	14,6	19,6	65,2
3. При выборе места жительства	37,9	16,5	35,3
4. При решении вопроса о вступлении в брак Ваших родственников	26,3	17,1	47,1
5. При вашем решении вступить в брак	32,4	14,7	43,4

Таким образом, избрали "ненационалистическую", общегражданскую позицию в данном варианте от 35 до 71% опрошенных, а от 12 до 38% заявили о своих этноцентристских позициях. Примечательно, что особо важным национальный компонент становится при систематическом общении по месту жительства. Он оказывается более значимым, чем та степень близости с лицом иной национальности, которая обусловлена брачным союзом.

Приведенные данные подтверждают тезис о сравнительно низком уровне национальной нетерпимости, характерном в целом для русских, их благожелательном отношении к другим народам. Очень важно, что в данном случае измерялись не декларативные абстрактные установки, но конкретные проблемы, раскрывающие меру терпимости русского населения к людям иного этнического происхождения в повседневной жизни.

Это не ликвидирует опасности массовых националистических вспышек в кризисной ситуации. Но их опасность может быть признанной достаточно серьезной для общества в целом лишь в том случае, если националистические установки и тенденции, экстремизм националистического толка станут элементами национальной политики государства.

IV. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. НЕОБХОДИМОСТЬ ВЫРАБОТКИ РЕФЛЕКСИВНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ.

1. Пора определиться в приоритетах

Сейчас в российской политике на первый план выходит проблема государственного самоопределения. От ее решения зависит выбор той или иной национальной политики и политики поведения в конфликтах и конфликтных ситуациях. Пока в российской политике преобладают интуитивные поиски линии поведения. Масштабы колебания этой линии отражают несформированность российской современной государственной идентичности. Метафорически, двуглавый российский орел продолжает смотреть на Запад и на Восток своими головами, и тем самым проводятся как бы две несогласованные политики. Они могут иметь место одновременно, но могут и быть расчленены по времени. Тогда образуются как бы волны, колебания в ту или иную сторону. Секрет, однако, в том, что речь идет не о восточной и западной ориентациях. Речь идет о колебаниях между различными типами социального действия и, соответственно, политического поведения.

С одной стороны, государство, по крайней мере неявно, склоняется к отказу от значительных территорий, как бы соглашаясь трактовать эту утрату в виде предпосылки для перехода к интенсивному социальному воспроизводству. С другой стороны, сделав этот решительный шаг, и без борьбы и конфликтов отказавшись от территорий, государство тут же делает шаг в сторону восстановления в правах "имперской ориентации" в политике. Начинает разворачиваться борьба (пока идеологическая) за возврат территорий, понимаемых как утраченный для общества ресурс. При этом не рассматривается вопрос способности его освоить, интенсифицировать общественное воспроизводство на данной территории. Соответственно, начинает складываться и идеология реванша, где цели развития подменены типично традиционалистской точкой зрения, считающей достаточным не эффективное использование и освоение, но лишь владение ресурсами.

Конечно, в политике всегда имеют место колебания, постоянный поиск более выгодных, эффективных решений. Речь, однако не об этом. Необходимо определиться в основных приоритетах, в том, что следует в принципе для России считать выгодным, а что - менее выгодным и даже вредным. Из-за подобной двойственности, масштабных колебаний между принципиально противоположными политическими линиями современную российскую политику на Западе называют иррациональной, как это, например, сделал бывший посол США в России Д.Мэтлок (см. Известия, 1995, 11 января).

2. Приоритеты и принципы рефлексивной политики

Одна из главных проблем формирования национальной политики заключается в выборе ориентаций, который должен быть осуществлен не только узким кругом политических деятелей, но и обществом в целом. Как показывает анализ данных опросов, приведенных выше, общество остается расколотым по всем фундаментальным вопросам, включая и национальные проблемы. Выясняется, что сравнительно большая степень согласия наблюдается лишь по вопросу о причинах межнациональных конфликтов, которые общественное мнение относит на счет

политической элиты. Существенным показателем является весьма низкая степень ориентации на собственно этнические характеристики, сопряженные с архаическими ценностями.

Отсюда можно сделать вывод о том, что дальнейшее развитие российского общества и решение задач строительства государственности связано прежде всего с уровнем политической культуры населения, прежде всего политической элиты, с характером понимания ею государственных и общеполитических задач.

Поиск меры в соотношении массовых ценностей общественного субъекта и ответственного политического действия, выражающего эти ценности, но не апологетизирующего их, требует разработки рефлексивной политики в области национальных отношений.

Рефлексивная политика в национальном вопросе повышает значимость идеи взаимопонимания, диалога, приоритета политических методов решения этнонациональных проблем над военными. Это актуализирует те средства и методы, которые способны усилить роль рационального компонента в политике, науки как средоточия рациональности, социологического анализа, могущего выявить и рационализировать качественное своеобразие национального характера, культурно-исторических сдвигов в национальной психологии, роль культуры, традиций в образе жизни, в мышлении людей, субкультурные различия, особенности политической культуры и т.д.

Необходимость применения принципов рефлексивной политики в национальном вопросе, национально-государственных отношениях диктуется практически требованиями формирования российской государственности, национальных интересов и приоритетов.

Такая политика должна быть разработана как применительно к регионам России, так и применительно к соседним с Россией государствам.

Отметим некоторые конкретные проблемы, важные с точки зрения выработки рефлексивной политики в решении национальных отношений и межнациональных конфликтов, значимые для современного момента развития Российского государства.

1). Важным приоритетом рефлексивной политики является правовая регуляция конфликтных ситуаций. В соответствии с этим особую роль в регулировании конфликтов, в противодействии их обострению, в том числе особенно переходу к насильственным формам играет вновь принятая Конституция РФ и сотрудничество на ее основе регионов с центром. Несмотря на всю влияние традиций имперской государственности, инерционный опыт фактически унитарного союзного государства постепенно в национальной политике находит поддержку идеи асимметричной федерации, допускающей двусторонние договоры между ее субъектами.

Возможно это требует принятия трудных и непопулярных решений, и скрывает под собой множество подводных камней, однако одновременно и позволяет развязывать подчас кажущиеся малопреодолимыми препятствия на пути становления новых отношений между центром и территориями. Можно констатировать, что накопленный опыт договорных отношений в целом до сих пор доказывает свою перспективность. Договоры с Татарстаном, Башкортостаном и Кабардино-Балкарией сыграли позитивную роль уже в 1994 году.

2). Необходимо наращивать интеллектуальное, прежде всего научное обеспечение решений в области национальной политики. Хотя по числу экспертов, привлекаемых для обсуждения национально-этнических проблем, по степени вовлеченности в управляющие структуры интеллектуалов нынешнее руководство

России, вероятно, не имеет себе равных, по крайней мере сравнительно с советским периодом развития страны. Вместе с тем приходится констатировать необходимость повышения качества подготовки государственных решений по национальным проблемам, их большую научную обоснованность. Даже крупные решения оставляют впечатление непродуманных. Недостаточно учитываются культурные факторы, своеобразие образа жизни тех или иных народов. Это было в советский период, из-за чего сильно пострадали малочисленные народы севера. Недостаточно учитываются исторические факты и национальная психология. Грубейшие просчеты в разрешении чеченского кризиса - еще одно тому подтверждение.

3). Важнейшей рекомендацией была и остается задача профессионализации при принятии и реализации решений в области национальных отношений, особенно если речь идет о регулировании конфликтов, соблюдения принципа "не повреди" в этой деликатной области, что требует формирования слаженных команд специалистов, каждый из которых мог бы принимать на своем уровне достаточно взвешенные и компетентные решения. Уже одно это могло бы повысить эффективность принимаемых решений.

Требования подобного рода особенно необходимо соблюдать, когда речь идет о решении сложнейших задач государственного строительства. Так, например, необходим обоснованный подход к проблеме границ, прежде всего в масштабе СНГ. Возможно индивидуальное решение вопроса по поводу степени открытости границ между соседствующими государственными образованиями на основе учета их взаимных экономических, политических и культурных интересов. Для отыскания наиболее эффективных решений этих проблем необходимо сотрудничество больших групп специалистов профессионалов. Оно может быть поддержано теоретической идеей расщепленного пространства, включающего ту или иную степень общности хозяйственного, экономического, политического, военного, культурного, научного и других пространств, открывающих возможность большей гибкости в решении сложных вопросов разграничения прав и полномочий.

В частности, граница с точки зрения идеи расщепленного пространства предстает не только в своем геополитическом, территориальном, но многообразном политико-социальном, экономическом смыслах, что заставляет работать все типы отношений, прежде всего область международного права. В конечном итоге бесценный опыт становления новых отношений крупными накопывается, воплощаясь в решениях и деятельности множества людей. Этот опыт, наращивая культурно-творческий потенциал, способен продвинуть общество по пути государственного строительства в новой России.

4). Перспективной познавательной стратегией в изучении межнациональных конфликтов является социокультурный подход, активно развивающийся сейчас в гуманитарных и социальных науках. Содержание становления национального самосознания, как и прогнозирование возможного роста национального экстремизма связано со социокультурной спецификой, степенью модернизированности того или иного сообщества, качеством и уровнем развития в нем политической культуры. Учет этих факторов дает важные ориентиры для анализа условий, средств и целей, выбираемых тем или иным национальным движением, позволяет сделать допущения о возможных степенях его конфликтности, реалистичности его целей. Все это позволяет разрабатывать долговременные гибкие .. стратегии, делающие упор на качественных параметрах того или иного социального субъекта, этно-национальной группы. Возможным оказывается и разработка более

дифференцированной, детализированной национальной политики, предполагающей и большую ее эффективность.

5). Одной из конкретных проблем, рассматриваемых в рамках социокультурного подхода, выступает решение проблемы преемственности, связи традиций и инноваций, осмысляемая в контексте мирового исторического опыта сосуществования государств. Важным аспектом этой проблемы, имеющей нравственный и правовой смыслы, является то обстоятельство, считает ли себя новая Россия в некоторых аспектах ответственной за союзную и даже царскую государственность, либо позволяет себе начинать государственную жизнь "с чистого листа". От того или иного выбора в этом вопросе зависит и решение проблемы о мере ответственности России за разрешение конфликтов, возникших на основе статусных и территориальных притязаний на территории бывшего СССР. С точки зрения данной ответственности и должны быть осмыслены национальные интересы России как государства в этом регионе мира.

Но для этого необходимо, чтобы российские политики признали преемственность политики России и политики СССР, а также и определенную преемственность политики нынешней России и политики дореволюционного российского государства. Либо мы признаем эту преемственность, и на этом основании ставим вопрос об охране российских границ общими усилиями стран СНГ, либо мы не признаем этой преемственности и должны пойти на обустройство новой российской границы по всему периметру российской территории, включая границы с Украиной, Закавказскими государствами и Казахстаном.

В неопределенности ответа на этот кардинальный вопрос заключается источник колебаний практической политики Российской Федерации, до сих пор не определившей, куда простираются интересы российской государственности и в каких именно формах они должны там защищаться. По-видимому, ни теоретические рассуждения, ни исторические обоснования не смогут в ближайшее время предоставить решающие аргументы в пользу того или иного выбора. Этот выбор может быть осуществлен только совместными усилиями всех государств, входящих в СНГ, что является важнейшим фактором общей стабилизации ситуации в каждом из этих государств и в этом регионе мира в целом.

Подписано к печати 31 03 95 Тир. 120 экз. 17 печ. л. 2
Заказ № 17
УОП Института этнологии и антропологии РАН